

63.3(2)43-8

Ф73

СА-387630

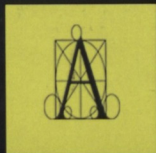
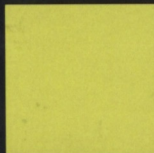
РУССКАЯ ИСТОРИЯ

1547 -
1584

Б.Н. Флоря

ИВАН ГРОЗНЫЙ

Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова

В 1525 году великому князю Московскому Василию Ивановичу исполнилось 46 лет. Возраст немалый для мужчины, тем более в эпоху Смутного времени, когда продолжительность человеческой жизни была гораздо короче, чем теперь. Тем не менее у великого князя все еще не было сына, наследника. Василий женился 4 сентября 1525 года, незадолго до смерти отца, великого князя Московского Ивана III, выбрав себе невесту по новому, неизвестному ранее в Москве обычаю.

По традиции московские великие князья чаще всего аступали в брак с женщинами из своего княжеского дома (так, например, жена Василия Ивановича, Елена Васильевна, была троюродной сестрой Василия Ивановича с женой, принадлежавшими к другим княжеским домам Северо-Восточной Руси (жена Дмитрия Донского Евдокия Константиновна, дочь великого князя Дмитрия Константиновича Ростовского). Восточной Руси стали подданными великого князя Московского, и сыновья у кого-либо из них невесты для своего сына и наследника Иван III считал ниже своего достоинства. По совету великокняжеского советника грека Юрия Траханиота была возрождена древний обычай выбора невесты, практиковавшийся при дворе византийских императоров. По приказу государя подданные присылали своих наиболее красивых дочерей на смотрины, и из их числа государь жених выбирал себе невесту. Так будущий Василий Иванович женился на Марии Ярославне, дочери великого князя Ярославского.

Брак был благословенным, и Мария Ярославна стала великой княгиней. В браке родился сын Иван Иванович, будущий Иван Грозный. По официальной версии, сама Мария Ярославна была невестой на трон.

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

«Академический проект»
Москва, 2019

0697486000-384630

Детство и юность

В 1525 году великому князю Московскому Василию Ивановичу исполнилось 46 лет. Возраст немалый для мужчины, тем более в эпоху Средневековья, когда продолжительность человеческой жизни была гораздо короче, чем теперь. Тем не менее у великого князя все еще не было сына, наследника. Василий женился 4 сентября 1505 года, незадолго до смерти отца, великого князя Московского Ивана III, выбрав себе невесту по новому, неизвестному ранее в Москве обычаю.

По традиции московские великие князья чаще всего вступали в брак с женщинами из своего княжеского дома (так, например, жена Василия Темного, деда Василия III, Марья Ярославна была троюродной сестрой своего супруга) либо с женщинами, принадлежавшими к другим княжеским домам Северо-Восточной Руси (жена Дмитрия Донского Евдокия была дочерью суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича). Теперь все князья Северо-Восточной Руси стали подданными великого князя Московского, и сватать у кого-либо из них невесту для своего сына и наследника Иван III посчитал ниже своего достоинства. По совету великокняжеского печатника грека Юрия Траханиота был возрожден древний обычай выбора невесты, практиковавшийся при дворе византийских императоров. По приказу государя подданные присылали своих наиболее красивых дочерей на смотрины, и из их числа государь-жених выбирал себе невесту. Так будущий Василий III женился на Соломонии Сабуровой, происходившей из московского боярского рода костромских вотчинников.

Брак был благополучным, но бездетным, и с течением времени это все больше беспокоило супругов. Они стали совершать длительные поездки по самым прославленным русским обителям, прося их святых покровителей о чадородии. Великая княгиня вышивала покровы на гробницы святых, ожидая от них помощи в своем несчастье, но ничто не помогало. Василий III был, по-видимому, привязан к жене, но, когда после двадцати лет совместной жизни брак так и не дал детей, он решил с ней расстаться.

По официальной версии, сама Соломония, «видя неплодство из чрева своего», приняла решение уйти в монастырь, и великий князь согласился на это лишь после долгих уговоров жены и митрополита. Действительность выглядела иначе. Великая княгиня не хотела ни разводиться, ни принимать постриг, и ее пришлось принудить к этому силой. Рассказ о пострижении Соломонии Сабуровой сохранился в записках австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, побывавшего в Москве

в 1526 году с дипломатической миссией. Согласно его рассказу, когда великую княгиню отвезли из Москвы в Покровский Суздальский монастырь и «в монастыре, несмотря на ее слезы и рыдания, митрополит сперва обрезал ей волосы, а затем подал монашеский куколь, она не только не дала возложить его на себя, а схватила его, бросила на землю и растоптала ногами». Лишь после того, как ближний дворянин Василий III Иван Юрьевич Шигона Поджогин ударил ее плетью, великая княгиня была вынуждена покориться и принять постриг под именем Софии. Все это происходило в самом конце 1525 года. Покровскому монастырю Василий III подарил два села в Суздальском уезде.

Теперь великий князь был свободен и мог вступить в новый брак. По уже установившемуся обычаю были устроены смотрины невест, и выбор государя пал на княжну Елену Васильевну Глинскую. 21 января 1526 года царь отпраздновал свадьбу.

Не всем понравились эти хлопоты великого князя об устройстве своей семейной жизни. Псковский летописец с осуждением писал о свадьбе Василия III: «И все то за наше согрешение, яко же написал Апостол: пусть жену свою, а оженится иною, прелюбы творит». В «Истории о великом князе Московском» Андрея Курбского и «Выписи из государевы грамоты, что прислана к великому князю Василию Ивановичу о сочетании второго брака» сохранилась память о тех приближенных великого князя (таких, например, как старец Вассиан Патрикеев), которые выступали против нового брака и поплатились за это опалой и ссылкой. Со временем в предосудительном поступке Василия III стали видеть предвестие тяжелых бедствий, постигших Русскую землю в годы правления родившегося от нового брака царя Ивана Грозного.

Семья Глинских сравнительно недавно, уже в XVI веке, появилась в рядах московской знати. Она принадлежала к татарскому, со временем обрусевшему роду, служившему великим князьям литовским с конца XIV века. Центром их родовых владений, полученных от великого князя Литовского Витовта, был городок Глинск на Левобережной Украине. Положение рода в рядах правящей элиты Великого княжества Литовского поначалу оказалось невысоким. Позднее в Москве недруги Глинских рассказывали, что дед Елены, князь Лев Борисович, служил при дворе одного из литовских князей Гедиминовичей, князя Ивана Юрьевича Мстиславского. Когда один из сыновей князя Льва, Михаил Львович, в начале XVI века стал фаворитом великого князя Литовского и короля Польского Александра, для Глинских открылся доступ к высоким государственным должностям. Но возвышение Глинских оказалось недолгим. После смерти Александра их стали отодвигать на задний план. Михаил Глинский в 1508 году поднял мятеж против нового короля Сигизмунда I и отъехал со своими братьями в Россию.

Жизнь Михаила Глинского до и после приезда в Россию, полная быстрых взлетов и резких падений, могла бы стать сюжетом для авантюрного романа. Гораздо меньше мы знаем об отце Елены, князе Василии Львовиче. Выхав вместе с братом в Россию, он получил от Василия III «в кормление» Медынь, но в походы воеводой не ходил и наместником в города не посылался, вероятно, из-за ранней слепоты: в 1509 году Василий III просил крымского хана прислать в Москву «великого лекаря», чтобы лечить князю Василию Глинскому глаза. Ко времени замужества Елены ее отец уже умер. Михаил же Глинский с 1514 года сидел в тюрьме, куда он попал за попытку отъезда в Литву. Он был освобожден из заточения лишь после брака своей племянницы.

Михаил Глинский побывал во многих странах Европы, был известен многим европейским государям, его любил и жаловал сам император Священной Римской империи Максимилиан I. Вероятно, страсть к путешествиям была не чужда и князю Василию Львовичу, который женился на Анне, дочери сербского воеводы Стефана Якшича. Стефан Якшич, дед Елены Глинской по матери, был военным вождем сербов, которые, спасаясь от османского нашествия, селились в южных областях Венгерского королевства, защищая границы этого государства от натиска османов. В Венгерском королевстве эти земли пользовались автономией, а сербские воеводы находились в родстве с рядом венгерских знатных фамилий. Вероятно, именно это родство имели в виду московские собеседники Герберштейна, объясняя ему, что великого князя понудили вступить в новый брак важные политические соображения — «тесть его вел свой род от семейства Петрович, которое пользовалось некогда громкой славой в Венгрии и исповедовало греческую веру». Однако ни при Василии III, ни позже никто не пытался использовать эти связи в интересах московского правительства, да и сами владения сербских воевод лежали далеко за пределами сферы русских политических интересов. На самом деле все объяснялось намного проще. Великий князь выбрал молодую девушку из числа тех, кто явился на смотрины, по-видимому, потому, что она ему просто понравилась. Сигизмунд Герберштейн, а также неизвестный монах из Пафнутаева Боровского монастыря сообщают о том, что великий князь даже сбрил бороду в угоду молодой жене.

Очевидно, в связи с заключением брака стали создаваться родословные легенды, которые должны были обосновать высокое место Глинских в кругу московской знати. Родоначальник Глинских Лекса стал внуком знаменитого правителя Золотой Орды Мамаю, а Мамай, в свою очередь, — отпрыском знатного рода Киятов, которые «кочевали по сей стороне Волги до Чингиз царя». В легенде говорилось и о браке одного из предков Мамаю с дочерью Чингисхана, почему Кияты «и именуютца царского

рода». Так составитель легенды пытался обосновать право Глинских быть на равной ноге с наследниками Чингисхана, потомками правителей Большой Орды, Крыма и Казани. Однако есть основания думать, что для сына Елены, царя Ивана IV, это значения не имело. В его обширном письменном наследии мы не находим никаких сведений о предках по материнской линии. Единственные его предки, о которых он говорил постоянно и настойчиво, — это русские государи, потомки святого Владимира.

Новый брак на первых порах не принес того, чего ждал от него великий князь, а именно сына-наследника. Василий снова стал ездить по монастырям с молодой женой, прося о помощи чудотворцев. Судьба подарила ему сына лишь через четыре года после свадьбы, когда великому князю было уже за пятьдесят.

Долгожданный наследник родился 25 августа 1530 года, «в седьмой час ночи». Он был назван Иваном, очевидно, в честь деда, великого князя Ивана III; его христианским патроном стал Иоанн Креститель. Крещению наследника великий князь постарался придать большое значение. Василий направился с младенцем в самую почитаемую русскую обитель — Троице-Сергиев монастырь. В написанном в связи с этим «Похвальном слове великому князю Василию» указано, что младенца сопровождали мамка — Агрипина Васильева — Аграфена, вдова боярина Василия Андреевича Челяднина, и кормилица, очевидно, простая женщина, имя которой автор «Слова» не счел нужным упомянуть.

Крестных отцов-восприемников для княжича выбрал сам великий князь. Именно по его настоятельному желанию крестным отцом Ивана стал один из самых почитаемых старцев Иосифо-Волоколамского монастыря — любимой обители Василия III, Кассиан Босой. Старца, глубокого старика, «яко младенца привезоша» и во время совершения обряда постоянно поддерживали два троицких инок. Другим крестным отцом стал хорошо известный великому князю игумен Троицкого монастыря в Переславле-Залесском Даниил, образцовый организатор монашеского общежития, вскоре после смерти причисленный к лику святых. Третьим восприемником был старец Троице-Сергиева монастыря Иев Курцов. Это обстоятельство способствовало быстрой и успешной карьере родственников троицкого старца, которая привела затем к их трагической гибели. Впоследствии имя Иева Курцова было удалено из рассказа официальной летописи о крещении Ивана IV.

Обряд крещения был совершен 4 сентября 1530 года. После этого великий князь сам возложил младенца на гробницу преподобного Сергия, отдавая его под опеку самого почитаемого из русских святых. На радостях великий князь снял опалу с целого ряда своих приближенных.

Стареющий отец окружил долгожданного наследника трогательной заботой. Сохранилось несколько писем Василия III жене, из которых

видно, что во время его отлучек жена должна была постоянно сообщать ему о здоровье сына, и великий князь выговаривал ей, если она этого не делала. Когда у Ивана появилось «на шее под затылком место высоко да крепко», а затем оно покраснело, обеспокоенный государь просил Елену собрать своих боярынь и с ними выяснить, «что таково у Ивана сына явилось и живет ли таково у людей малых». Когда созревший на шее наследника нарыв наконец прорвался, великий князь желал узнать, «ныне ли что идет у сына Ивана из больного места или не идет» и «каково то у него больное место, уже ли поопало или еще не опало».

30 октября 1532 года Елена Глинская родила еще одного сына — Юрия. Однако ребенок оказался глухонемым от рождения и умственно недоразвитым (как деликатно говорилось в официальной летописи, «несмыслен и прост»). Дальнейшая судьба московской великокняжеской династии всецело зависела от жизни маленького Ивана IV.

Уединенной жизни княжича в тереме в кругу мамок, нянек и боярынь великой княгини пришел конец 3 декабря 1533 года, когда скончался его отец. Великий князь болел долго и тяжело, ребенка к нему не допускали, лишь перед самой смертью Василий позвал Ивана к себе и благословил его крестом святого митрополита Петра. Мамке наследника, боярыне Аграфене Челядниной, умирающий приказал «ни пяди не отступать» от ребенка.

После смерти великого князя маленький Иван стал главой государства. Конечно, трехлетний мальчик не мог заниматься государственными делами. Они всецело находились в руках его матери Елены Глинской, управлявшей государством вместе с советниками его отца. Но мальчику пришлось очень рано участвовать в приемах и церемониях. Он не понимал их значения, но занимал на них центральное место. Уже через несколько дней после смерти отца трехлетний мальчик принимал гонцов от крымского хана «и подавал им мед».

В феврале 1535 года он вместе с матерью присутствовал на торжественной церемонии переноса мощей одного из главных патронов московской митрополичьей кафедры — святого Алексея митрополита — в новую раку.

В августе следующего 1536 года шестилетний мальчик принимал литовских послов. У трона великого князя «берегли» наиболее видные бояре: князь Василий Васильевич Шуйский и фаворит правительницы, конюший князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский. Мальчик просидел весь прием, время от времени произнося полагавшиеся в той ситуации слова. Лишь от обеда, устраивавшегося обычно в честь послов, отказались: от имени великого князя бояре сообщили послам, что при его малом возрасте ему «будет стол в истому». Крымским послам в аналогичной ситуации объяснили, что великий князь ест у матери, «а собе столом еще не едал». Маленький великий князь и жил, очевидно, в покоях матери в окружении мамок и нянек.

В июне 1536 года в его жизни произошло значительное событие. Он впервые отправился в путешествие за пределы столицы — на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. С ним ехали самые близкие к Елене Глинской люди — князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский и муж ее сестры князь Иван Данилович Пенков, а также мамка великого князя Аграфена Челяднина «и иные боярыни» — очевидно, те, которые вместе с ней ухаживали за ребенком.

Мальчик подрастал, и по обычаям воспитания в княжеской семье мамку должен был сменить дядька. Действительно, если в 1536 году на богомолье Ивана еще сопровождала мамка Аграфена Челяднина, то в январе 1537 года на приеме литовских послов вместе с первыми боярами «ходил у великого князя в дяди место» Иван Иванович Челяднин, член одного из старейших, наиболее знатных московских боярских родов, возможно, ставший воспитателем великого князя по протекции мамки Аграфены, жены его покойного дяди и «ближней боярыни» самой правительницы.

Несмотря на необходимость с ранних лет участвовать в различных церемониях и приемах, жизнь мальчика в целом протекала обычно — так же, как и в других семьях знатных людей того времени. Всему этому пришел конец 3 апреля 1538 года, когда скончалась мать великого князя, великая княгиня Елена. Мальчик остался сиротой. Такие случаи бывали и в знатных семьях, и тогда малолетние дети поступали под опеку близких родственников. Взрослых прямых родственников по отцу у великого князя не было — его двоюродный брат Владимир, сын младшего брата Василия III Андрея, был еще моложе Ивана. Другой родственник, князь Иван, сын племянницы Василия III и князя Федора Михайловича Мстиславского, был, по-видимому, тоже очень молод. В иных обстоятельствах претендовать на роль опекуны могла бы тетка великого князя, княгиня Евфросинья, мать князя Владимира. Но ее муж Андрей Иванович, самый младший из сыновей Ивана III, после смерти Василия III поднял мятеж против малолетнего племянника и пытался «засесть» Великий Новгород. Он был арестован и вскоре умер в тюрьме. Ко времени смерти Елены Глинской княгиня Евфросинья с малолетним сыном сидела под арестом на дворе своего мужа.

Более далекое родство связывало великого князя с князьями Дмитрием и Иваном Федоровичами Бельскими, отец которых был женат на племяннице Ивана III, княгине Анне Васильевне. К ним, как к «сестричам», обращался перед смертью Василий III, прося их заботиться о государственных делах и служить «прямо» (то есть верно) его сыну. По матери у великого князя были гораздо более близкие родственники, родные братья Елены Глинской — Юрий, Иван и Михаил.

Но Иван IV был не просто знатным сиротой, он был будущим правителем государства, от имени которого исходили все административные распоряжения. В этом случае вступали в действие совсем другие правила — правила политической игры. В организации управления средневекового государства монарху принадлежала важнейшая, ключевая роль. В частности, он выступал как верховный арбитр в конфликтах между разными группами знати. Когда по каким-либо обстоятельствам такой верховный арбитр отсутствовал, между группами знати начиналась резкая бескомпромиссная борьба за власть, и победившая группа силой присваивала себе опеку над малолетним наследником. Именно это и произошло после смерти Елены Глинской.

В официальной летописи правления Ивана IV, составленной в 50-е годы XVI века — так называемом «Летописце начала царства», читаем о том, что сразу после смерти Елены Глинской был заключен в тюрьму ее любимец, князь Иван Федорович Овчина-Оболенский, и «умориша его голодом и тягостию железною, а сестру его Аграфену (мамку Ивана IV. — Б. Ф.) сослаша в Каргополь и тамо ее постригоша в черницы». Бояре поступили так с Овчиной «своим самовольством за то, что его государь князь великий в приближение держал и сестру его Огрофену». Таким образом, наиболее близкие к маленькому великому князю люди, окружавшие его в годы правления матери, были насильственно удалены, но мальчик сохранил о них теплую память, о чем говорит запись в летописи, сделанная, конечно, по его приказу и отражающая его отношение к происшедшему.

Среди захвативших власть бояр главную роль играли суздальские княжата, бояре Василий Васильевич и Иван Васильевич Шуйские. Князь Василий поселился в Кремле на дворе покойного царского дяди князя Андрея Ивановича Старицкого, а 6 июня вступил в брак с двоюродной сестрой юного великого князя Анастасией. Этот брак делал его родственником Ивана IV и давал основание для опеки над ним. Именно Шуйские стали главными опекунами молодого великого князя и его брата Юрия. «Князь Василей и князь Иван Шуйские самовольством у меня в бережении учинилися, и так воцаришася», — писал впоследствии царь в своем первом послании князю Андрею Курбскому. В сентябре 1538 года эти князья вместе с дворецким князем Иваном Ивановичем Кубенским сопровождали великого князя в его поездке на богомолье в Троице-Сергиев монастырь¹. Василий Шуйский скоро умер, а его брат продолжал управлять страной, приняв давно исчезнувший титул «московского на-

¹ По-видимому, с этой поездкой связаны воспоминания царя о том, как И.И. Кубенский вечером после всенощной стал требовать убоения у монастырских старцев. Старцы как бы согласились нарушить устав, но далее получилось так, что князь «сядючи у поставца с конца ест, а они с другою конца отсылают. Да хватился хлебнуть испити, ано и капельки не осталось, все отнесено на погреб».

местника». Фигуры опекунов решительно отодвигали на задний план фигуру малолетнего великого князя. Неслучайно в одном из летописцев под 1538–1539 годами читаем: «Того ж году был на Москве наместник князь Василий Шуйский, а князь велики тогда был мал».

Как бы то ни было, молодой правитель оказался под опекой чужих людей, к которым у него не было никаких оснований испытывать добрые чувства.

Занятые государственными делами опекуны не могли уделять много внимания ребенку. Его воспитанием должен был заниматься дядька. Упомянутый в 1537 году как дядька Иван Иванович Челяднин благополучно пережил переворот и через некоторое время даже получил принадлежавший Ивану Федоровичу Овчине пост конюшего боярина, но о нем, как о дядьке царя, в источниках последующего времени ничего не говорится. Не упомянул о дядьке в своих сочинениях и сам Иван IV. Очевидно, если такой дядька и существовал, он не оказал серьезного влияния на своего воспитанника.

Об отношениях между опекунами и юным правителем сохранились прямо противоположные свидетельства. По сообщению Андрея Михайловича Курбского в его «Истории», «велицые гордые паны (по их языку боярове)» старались удовлетворять все желания своего воспитанника, «ласкающе и угождающе ему во всяком наслаждении и сладострастию». Совсем иначе писал об отношении к нему этих «пестунов» сам Иван IV. По словам царя, после смерти матери их с братом стали содержать «яко иностранных или яко убожейшую чадь», ограничивая и в пище, и в одежде, не всегда давали вовремя есть. В этом рассказе мы встречаем фрагмент воспоминаний восьми- или девятилетнего мальчика: он и брат Юрий играют в свои детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский, «сedia на лавке, лохтем опершиися на отца нашего постелю, ногу положи на стул», не проявляет никаких знаков внимания и почтения по отношению к своему государю.

Противоречиям между показаниями источников, как кажется, можно найти объяснение. Воспоминания царя относятся к тому времени, когда он был совсем маленьким мальчиком и не мог оказывать никакого влияния на ход государственных дел, и пестуны поэтому могли пренебрегать им. Курбский же после приведенного свидетельства говорит о поступках, совершавшихся великим князем в двенадцать, а затем в пятнадцать лет, когда враждовавшие между собой боярские кланы старались заручиться его расположением.

В своем послании царь обвинял боярских правителей во многих бедах, постигших страну в его малолетство. Захватив власть, они подвергали людей «мучениям» и поборам, и под видом необходимости выплачивать жалованье детям боярским опустошили государственную казну. Из

похищенного оттуда золота и серебра они ковали золотые и серебряные сосуды «и имена на них родителей своих возложиша, будто их родительское стяжание».

Сомнительно, однако, чтобы все это было известно восьми- или девятилетнему мальчику; вероятно, о своеволии бояр Иван узнал гораздо позже. В конце 30 — начале 40-х годов опекуны если и скупой расходовали средства на содержание великого князя, то уж, конечно, стремились, чтобы к нему не поступали нежелательные для них сведения. Да и собственные наблюдения мальчика в то время могли ограничиваться только узкой сферой дворцового быта. Лишь во время ежегодных поездок на богомолье в Троице-Сергиев монастырь он мог видеть что-то, происшедшее за пределами дворца. Однако внешние опасности, угрожавшие в те годы стране, терзавшие ее внутренние конфликты были так сильны, что раз за разом врвались и в эту узкую, так резко отграниченную от обыденной жизни сферу.

Летом 1541 года Москва с тревогой ожидала нападения крымского хана Сагиб-Гирея. С татарской ордой в поход на русскую столицу шли «турского царя люди с пушками и с пищальми». В присутствии мальчика Боярская дума и митрополит Иоасаф обсуждали, следует ли великому князю и его брату «в городе быти или выйти». Было решено, что «малые государи» должны остаться в столице, но решение это было принято вовсе не потому, что бояре были уверены в ее безопасности: быстро уехать из Москвы не удалось («борзого езды и истомы некоторое не поднята, а с малыми детьми как скоро ездити») да и найти безопасное для своих государей место тоже оказывалось делом трудным («а в которые города в приходы татарские государи наши отступали на Кострому и в иные города, и те города по грехом нашим нынеча не мирны с Казанью, а в Новгород и во Псков государи наши не отступали литовского для рубежа и немецкого»). Иван и его брат Юрий остались в Москве и молились в Успенском соборе перед иконой Владимирской Божией Матери и у гробницы Петра митрополита, прося о небесном заступничестве от нашествия «поганных». К счастью, русские войска не дали татарам перейти Оку, и Москва оказалась вне опасности.

А в следующем 1542 году русская столица стала ареной настоящего военного переворота. Князь Иван Васильевич Шуйский, отстраненный противниками от руководства страной и посланный во Владимир «береженья для от казанских людей», сумел привлечь на свою сторону собранное здесь войско («многих детей боярских к целованию привел, что им быти в их совете»), «пришел ратью к Москве» и при содействии своих сторонников в столице захватил город и силою устранил своих противников. В дополнениях к Синодальному списку Никоновской летописи, составленных по указанию царя, отмечено, что когда арестовали главу

враждебной Шуйским боярской группировки, князя Ивана Бельского, то «бояре пришли к государю в постельные хоромы не ко времени, за три часа до света». В это время «в комнате» великого князя, вероятно, искал защиты сам глава русской церкви митрополит Иоасаф, ранее приложивший руку к отстранению князя Ивана Шуйского и справедливо опасавшийся гонений. Узнав об этом, «бояре пришли за ним к государю в комнату шумом». В этих словах есть все основания видеть отзвук детских воспоминаний разбуженного ночью двенадцатилетнего мальчика. Митрополиту «начаша безчестие чинити и срамоту великую», и он вынужден был уйти с митрополичьего двора на подворье Троице-Сергиева монастыря, но и туда его противники «послаша детей боярских городо-вых... с неподобными речьми и с великим срамом поношаста его и мало не убиша». Устраняя или убивая неугодных, отдавая приказы от имени великого князя, бояре не интересовались мнением самого Ивана и не принимали его в расчет.

Это стало ясно в следующем, 1543 году, когда подрастающий великий князь попытался проявить свои симпатии к некоторым из членов его совета — Боярской думы. 9 сентября 1543 года на заседании Боярской думы в присутствии великого князя и нового митрополита Макария Шуйские и их советники напали на Федора Воронцова «за то, что его великий государь жалует и бережет». Воронцова «биша по ланитам и платие на нем ободраша», затем его стащили «с великого князя сеней с великим срамом бьюще и пихающе» и заключили в тюрьму. Великий князь послал митрополита и бояр Ивана и Василия Григорьевичей Морозовых просить, чтобы Воронцова не убивали и уж если «Федору и сыну его Ивану на Москве быти нельзя, ино бы Федора и его сына Ивана послали на службу на Коломну», но смог добиться лишь того, что Федора послали в Кострому. Те, кто взялись исполнить поручение великого князя, подверглись при этом оскорблениям. Как вспоминал царь Иван в своем первом послании Курбскому, «митрополита затеснили и мантию на нем с источники изодрали, а бояр в хребет толкали».

Как видим, у молодого государя стали появляться явные симпатии к некоторым из своих советников. При этом они проявлялись столь ярко, что находившаяся у власти группировка сочла нужным вмешаться и принять свои меры. Характерно, что в отличие от многочисленных опал и казней предшествующих лет на этот раз великий князь высказал определенно свои желания и нашел людей (и в их числе — самого митрополита), готовых их отстаивать. Разумеется, возможности тринадцатилетнего великого князя были невелики, реальная власть была не в его руках, настоять на своем он не мог, но все же с его желаниями вынуждены были в известной мере считаться: после насилий над Федором Воронцовым тот уехал в Кострому не ссыльным, а воеводой стоявшей там рати.

Содержание

Детство и юность	5
Казанская война и реформы 50-х годов	29
Воспитанник Сильвестра	60
На пути к самостоятельному правлению	69
Представления о власти московских государей в древнерусском обществе XV–XVI веков	89
Политические взгляды Ивана IV	104
Начало Ливонской войны. Удаление Сильвестра и Адашева	120
Накануне опричнины	141
Спор Грозного и Курбского. Иван IV как политический полемист	159
Введение опричнины	175
Становление опричного порядка	188
Начало террора и казанская ссылка	200
Зигзаги политики	209
Новые переселения	217
Царь и боярский заговор 1567 года	221
Усиление террора. Царь и митрополит	234
Разгром Новгорода Великого	242
Московские казни	257
Угроза с юга	264
Конец опричнины	281
После опричнины	296
Иван IV и польская корона	309
Новая опричина	323
В союзе с Габсбургами	338
Ливонский поход 1577 года	352
Конец Ливонской войны	363
Последние годы	396
Место в истории	409
Основные даты жизни и деятельности Ивана IV	416
Литература	419

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская. 20; тел. для справок: (3532) 60-61-30**